

Баймухаметов С. Сны золотые. Исповеди наркоманов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жестокая правда

Эта книга - для детей и родителей.

Каждый отец и каждая мать живут сейчас в страхе: а вдруг их ребенок по глупости, по неосторожности, один раз попробовав, станет наркоманом? Как его уберечь?

То, что происходит сейчас в России, можно определить одним словом – наркопожар. В крупных городах страны до пятидесяти процентов молодых людей уже попробовали, что такое наркотики. Это – начало национальной катастрофы.

Общество оказалось беспомощным: оно ничего не может противопоставить культуре наркотиков, возникшему в молодежной среде. Родители не знают, что сказать детям. Учителя не знают, как воздействовать на учеников.

Книга "Сны золотые..." рассказывает мальчишкам и девчонкам правду. Страшную правду. Чтобы знали, что это такое. Причем, именно в исповедях, от первого лица. С полной, предельной откровенностью. Да, читать это тяжело, это изнанка самой жуткой жизни. Но только правда, пусть и жестокая, способна повлиять на умы и сердца подростков.

"СЕКРЕТ ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ - ЗАГАДКА..."

Из откликов прессы

"Сергей Баймухаметов - автор уникальной, единственной в своем роде книги "Сны золотые. Исповеди наркоманов".

("Литературная газета")

"На мой взгляд, такую книгу надо по школам распространять, издавать миллионными тиражами, чтобы каждый родитель мог дать ее своему чаду и сказать: "Знай, вот что с тобой будет". И коммерческий успех ей гарантирован, потому что материал там шокирующий, и ее будут брать, как бы это сказать помягче... хотя бы из чувства нездорового любопытства".

(Татьяна Глинка, "Вечерняя Москва")

"Книга издана смехотворным тиражом, а должна бы поступить во все учебные и воспитательные учреждения. Ведь трагедии людей, рассказанные в этой книге, кажется, могут навеки отворать от желания попробовать наркотики".

(Александра Королева, газета "Подмосковье")

"Но ведь всем ясно, что такую книгу надо издавать миллионными тиражами. Как вы думаете, это возможно?"

(Лариса Алимamedова, газета "Труд")

"Но нам все же самым ярким и печальным свидетельством эпохи оказалась повесть С.Баймухаметова "Сны золотые...".

(Петр Дейниченко, газета "Куранты")

"Ведь все закладывается в детстве: и система ценностей, и система запретов, страхов... Книга дает подросткам жизненно важные ориентиры: плохо, нельзя, опасно, страшно... Безусловно, что книга требует издания большими тиражами, привлечения к ее повсеместному распространению всех заинтересованных государственных структур Москвы и России".

(Сергей Михалков, еженедельник "Подмосковье")

"Школьники пишут сочинение по книге Сергея Баймухаметова "Сны золотые. Исповеди наркоманов"...

("Вечерняя Москва")

"Секрет ее воздействия - загадка. Это от литературы, от обращения внутрь человека..."

(Александр Паникин, "Вечерний клуб")

"Это книга-предупреждение для подростков и их родителей, чтобы знали опасность в лицо... Сразу скажу: это тяжелое чтение, но это знание, которое может спасти от беды".

(Евгений Брюн, директор Московского центра профилактики наркомании, журнал "Работница")

СОН ПЕРВЫЙ

Света Кривцова, 22 года, С.-Петербург

Если наркоман живет с наркоманкой - получается проклятая пара неразлучников. В глазах нормальных людей они - лютые враги, два человека, которые выносить друг друга не могут, все время дерутся, избивают друг друга, стремятся сделать друг другу как можно хуже, оскорбить, унижить.

Это действительно так.

Но в то же время расстаться они уже не могут. Потому что наркоман - ущербный человек, он живет в постоянном страхе и в постоянной зависти к другим, к нормальным. И ему, наркоману, надо для успокоения иметь рядом, вокруг, таких же, как он. Вроде бы тогда все хорошо, все такие же, как и мы... Наверно, отсюда и идет это - совращение подростков. Хотя тут есть и другие причины. Но это тоже важно. Брат, сестра, жена... ему все равно, приучит, посадит на иглу. Правда, часто можно слышать от наркоманов, что лучше они сразу убьют своего ребенка, чем пожелают ему такой же доли, но это - одни разговоры. Вроде бы ребенок - святое, своего ребенка жалко... На самом же деле я знаю многих женщин, которые своих дочерей сажали на иглу, торговали ими, доводили до самоубийства.

Последние два года я жила с одним уголовником, мелким рэкетиром... По моим представлениям, богатый был, на руках - золотые цепи, вся квартира набита кайфом, маковой соломкой то есть. А я все-таки дура была романтическая, хотя к тому времени уже три года на игле просидела. И дура, и боялась, что он в тюрьму попадет. А что я тогда буду делать? Или сама пойду по рукам, или они меня подомнут, будут делать со мной все, что захотят. А так - он мой защитник был, покровитель, не позволял... Я его долго уговаривала не воровать, говорила, что денег я найду, заработаю. Я к тому времени немало нафарцевала, все у меня было. В общем, уговорила. И начали мы проживать мои деньги, а потом и вещи. Поверите, последнюю золотую цепочку с себя сняла и продала. И настал день, когда нам и поесть было не на что. А кайф был, запаслись заранее.

И вот, выходим мы как-то ночью побродить по улице, проходим мимо парикмахерской, а он остановился и показывает молча на открытую форточку: кто-то оставил форточку открытой. И говорит мне: фены вынесем, найдем, кому толкнуть. А с нами были еще два его приятеля и подружка. Они тоже загалдели: вынесем, толкнем! Достали где-то бутылку пива, дали мне выпить, я под кайфом, да еще под пивом, мне море по колено... Меня поставили на стреме, а сами полезли, начали подавать мне тюки, фены, завернутые в простыни. Тюков шесть или семь я приняла. А они пошли за такси, опять же меня оставили сторожить. Я хоть и под кайфом, но все видела и все помню... Выворачивает из переулка такси, мне из него уже рукой машут: мол, все путем. И тут - с двух сторон менты. Я кидаюсь к нему, к сожителю своему, автоматически так получилось, да любой бы человек на моем месте так сделал. И вдруг вижу: такси перед моим носом разворачивается - и по газам! Улетели мои верные товарищи! Оставили меня.

Конечно, менты меня взяли, как говорят, с поличным. Привезли к себе, раздели, издевались, оскорбляли, как только хотели. Я набросилась на них, кому-то по морде дала, меня избили...

В общем, тогда-то я их всех окончательно возненавидела. И ментов подлых, и своих... друзей, что ли. Только у наркоманов друзей не бывает. И предательства у них нет. Это я их возненавидела за предательство, а на самом деле предательства не было. По нашим понятиям, это обычное дело. Каждый сам за себя и сам по себе. Это у вас говорят: дружба, любовь, порядочный человек, непорядочный человек, злой-добрый, благородный-низкий, трусливый-храбрый... А там никаких различий нет. Там и слов таких нет. Ни слов, ни понятий, ни поступков. Совсем - нет. Пустота. Понимаете, там, где у нормальных людей какие-то человеческие отношения, у наркоманов - пустота. Там даже слова «подлость» нет, а есть - «подляна», и оно означает что-то свое, совсем другое, чем у вас. Я где-то читала про колымскую лагерную жизнь в тридцатые годы, что там был один закон: умри ты сегодня, а я завтра. Так и у нас...

Но в общем-то получилось даже лучше, что они уехали, бросили меня. Когда меня на принудилровку положили в больницу, он приходил ко мне, мой сожитель. Много денег принес, умолял, чтобы я его не выдавала, не признавалась, что и он там был. Денег я не взяла, но и про него ничего не сказала. Не потому, что я такой хорошей хочу показаться, а просто мне адвокат посоветовал. Если бы сказала про них - получилось бы групповое ограбление по предварительному сговору в компании с рецидивистом. А так я пошла по делу одна, да не за ограбление, а за попытку...

Я считала, что попала в их мир просто по глупости и по доброте. А вот недавно узнала, что у меня отец тоже наркоманом был, четыре года колосся. Значит, есть что-то наследственное. Хотя глупости и доброты тоже было хоть отбавляй. Это правда, я девочка добрая была. И училась хорошо. Первый курс медучилища закончила с отличием, и мне в порядке исключения разрешили на каникулах поработать санитаркой. Сами понимаете, отец жил отдельно, маминой зарплаты не хватало, а в пятнадцать лет уже хочется одеваться; ведь на других, на богатых смотришь, на иностранцев...

В моей палате лежал один больной, взрослый уже человек, лет тридцать ему было, разговорчивый, ко мне так хорошо относился. А я была примерной санитаркой, умелой, мне даже доверяли уколы делать. Однажды прихожу я к нему с уколом, а он говорит: «Оставь, я сам себе сделаю...» Ну, сам так сам. А потом он стал просить дополнительной дозы, чтобы я достала. Ну, думаю, человеку тяжело, надо облегчить боль... Но потом обратила внимание: все друзья, что к нему приходят, какие-то грязные, неумытые. Это я сейчас знаю, смогу за версту отличить наркомана по виду, по его неряшливости, запущенности, по запаху. Особенно тех, кто варит. Да что там человека, я квартиру, где варят, по запаху изо всех отличу. А тогда же я ничего не знала и говорю ему: что это у тебя друзья такие, ну, неумытые... А он-то думал, что я все понимаю, что я тоже колюсь, и говорит: «Ты, наверное, дружишь только с теми, кто на стекле сидит, а мы сами варим». Я удивилась: что это такое? Он объяснил: на стекле – это значит те люди, которые имеют возможность доставать чистый, фабричный наркотик, в ампулах. А они - сами варят, из опийного мака, из всякой химической гадости. Ну, рассказал он мне все и предложил уколиться. Мне так интересно было - я и укололась. И правда, хорошо стало, как-то легче, свободнее. Я ведь нервная уже была, работа тяжелая, не для шестнадцатилетней девчонки: кровь, грязь, бинты, отделение-то было травматологическое, это ужас. Приду домой - уколуюсь, и вроде бы легче. Так и втянулась.

А потом он, знакомый мой, выписался, позвонил, к себе пригласил, с друзьями познакомил. А они все вежливые, обходительные, когда прикурить дадут, то зажигалку подносят, а не так, что сама тянешься, как жираф. Ведь среди шестнадцатилетних еще и понятия нет, что ты - девушка, что к тебе надо относиться по-особому. А тут - взрослые люди, по тридцать и сорок лет, умные, интересные, со мной, с девчонкой, как с равной, как со взрослой: знаки внимания, комплименты. Мне так лестно было, прямо голова кружилась. А уж на своих сокурсников я после этого смотрела как на щенков, с превосходством таким...

Дура, сейчас только понимаю, что я им была нужна - вот они меня и обхаживали. Я ведь в больнице работала, имела доступ к наркотикам. И приносила им, доставала, сколько могла. Героиней была в своих глазах, а уж они меня превозносили до небес! Говорю же: дура. Только потом начала понимать, что там, в том мире, ничего просто так не делается, никто ни для кого даже пальцем не шевельнет, если он в этом человеке не заинтересован, не хочет с него что-нибудь получить. Ты из автобуса будешь выходить, так он тебе даже руки не подаст, если ты ему сейчас не нужна, не можешь принести выгоду. Там ничего нет, я даже слов не могу найти, чтобы сказать... Нет ничего, что обычно бывает между людьми. Никаких понятий о дружбе, помощи, ничего человеческого. И в то же время все держатся одной кучей. Такое невозможно представить: в одной квартире чуть ли не месяц живут люди, не связанные друг с другом ничем, готовые в любую минуту продать, сдать, утопить друг друга.

Я правильно говорю: чуть ли не месяцами. Это называется - зависнуть. Бывает, на пять-десять дней зависают. А у нас было - по месяцу. Запирались в одной квартире, запасали маковой соломки - и все, никуда оттуда ни ногой. Потом выползаешь на улицу, а идти не можешь, отучилась ходить. Придешь в притон еще зимой, а уходишь - на улице солнце, люди чуть ли не в платьях, а ты в шубе и в шапке. Или было так: я из дома ушла, сорвалась во время ломок, в ночной рубашке и в халате - и пришла в таком же виде, но только уже зимой, по снегу...

А идти по городу, по улице - страшно. Наркоманы всего боятся. Если на улице какой-нибудь человек случайно подойдет к наркоману, попросит, допустим, прикурить, тот вспотеет от ужаса. А уж при виде милиционера... Да многих наркоманов можно сразу узнать: вертит головой во все стороны...

От этого, от страха, и совершаются часто немыслимые жестокости. У нас одного заподозрили, что он ментам стучит, и опустили. Ну это самое страшное наказание в уголовном мире - сделать мужика петухом, то есть изнасиловать. А они все, почти все мои последние знакомые, были уголовниками чистыми, по разу или по два раза на зону сходили. Не знаю точно, доказали или нет, что заподозренный и вправду стучит, но заманили его на хату, оглушили и начали насиловать. При мне. Меня тошнит, кричу: «Отпустите меня, я смотреть не могу!» - а мне сказали: «Сиди!» Попробуй послушайся. Сидела. Смотрела. А у того парня, которого опускали, была девчонка, он вместе с ней пришел. Так она убежала от ужаса на кухню и открыла газ. Я ее потом откачивала.

А еще самое страшное, что со всеми случается, - это когда глюки находят, то есть галлюцинации, крыша начинает съезжать, то есть с ума сходишь. Часто специально делают, чтобы крыша поехала. Допустим, укололся он, впал в кайф, а тут телефон звонит. Он снимает трубку и слышит: «Это я, твоя смерть!» Шутка такая. А у него уже крыша поехала, всюду чудится смерть. Или одного парня у нас запугали, что вот-вот менты придут, он и простоял неподвижно восемь часов у дверного глазка, пока не свалился. Ну а третий сам с ума сошел. Все ему мерещилось, что он заболел какой-то страшной болезнью, раздевался, подходил к зеркалу, нас подзывал и говорил: «Посмотрите, насквозь же видно, вот она, болезнь!» Мы его жалели, три дня не давали колоться, чтобы очнулся. Но он так и не очухался, увезли в психушку.

У меня, конечно, тоже крыша ехала, не раз. Один раз инопланетянин приходил. Открываю глаза, а он стоит и смотрит, белый. И осторожно так прикасается к колену, у меня колено из-под одеяла высывалось. Я сразу и отключилась. Очнулась, все помню, смотрю на колено, а оно красное...

Мне еще повезло, первые годы я работала в больнице, сама могла доставать - и меня не трогали, зависели потому что от меня. А потом появился этот уголовник, покровитель мой. Но все равно всякое было. Один раз я без денег осталась, без кайфа, попросила, а мне говорят: вот нас здесь десятеро, дашь всем десятерым - получишь дозу. Я отказалась, они озверели, свалили меня, начали резать. У меня до сих пор на животе шрам. Ну, как увидели кровь - очухались. Наркоманы при виде крови сразу опоминаются, в себя

приходят. Некоторые даже специально вены режут, чтобы успокоиться.

Ну а если одна, если нет авторитетного сожителя, тогда, конечно, один путь. Мужчины, понятно, воруют, чтобы денег достать, а девушки при них, как у нас говорят, присасываются. Допустим, чтобы одну среднюю дозу на день набрать, девушке надо лечь под пятерых. Под пятерых грязных, не мытых месяцами скотов. Но там уже девушки не разбираются, там уже все безразлично, лишь бы получить свою дозу.

Почему?

Этот вопрос возник сразу: почему? Первые же читатели еще рукописной книги с первых же страниц откладывали рукопись и недоуменно спрашивали: почему они тебе все это рассказывают? С какой стати? О грязи, мерзостях и ужасах не чьей-то чужой, а своей жизни. Откуда такая откровенность? Не говоря уже о том, что она небезопасна...

Это алкоголик тут же все расскажет про свою жизнь, даже если его не просят. Потому что алкоголик – экстраверт. А наркоман – интроверт, то есть человек закрытый, наружу у него только три чувства: просто страх перед всеми, страх ломок и страх остаться без наркотиков; наркоман никогда и никому не изливает душу. Такого не может быть! – удивлялись прежде всего врачи и милиционеры.

И тем не менее – исповеди.

Встречаясь с наркоманами в больницах, в притонах, в городах и поселках на марихуанном пути от Чуйской долины до Москвы, на рынках, на пятачках, где собираются свои люди, я никогда, по неведению, не задавался таким вопросом.

Почему?

А может, как раз потому, что наркоман живет в постоянном страхе, он закрыт, то есть одинок, как никакой другой человек на свете. Весь мир враждебен ему - и он враждебен всему миру. Это отчаянное, безнадежное, космическое одиночество. Может, они и рассказывали все потому, что в кои-то веки человек из того, враждебного мира пришел к ним не с милицейской повесткой, не с родственными слезами, проклятиями, нравоучениями, а просто поговорить, и еще важнее – послушать. В кои-то веки проявил к ним не милицейский или медицинский, а просто человеческий интерес: интерес к их судьбе, к жизни, к их мнениям и суждениям о себе, о людях, о кошмаре, в который они сами себя ввергли.

А потом, я сразу же говорил им о замысле книги, о том, что пишу ее для тех, кто еще не пробовал анаши и ни разу не уколосся, то есть для их младших сестреночек и братишек, и просил их помочь, рассказать всю правду, поскольку лишь полная правда может убедить, дойдет до умов и сердец мальчишек и девчонок. То есть я делал их как бы своими соавторами. И никто из моих собеседников-наркоманов мне не отказал. Все соглашались, все рассказывали про свою жизнь со всей возможной откровенностью.

Чуйская долина

Александр Зеличенко, полковник, куратор

антинаркотиковой программы ООН "Ошский узел"

Чуйская долина – это север Кыргызстана, юг Джамбулской и Чимкентской областей Казахстана, это громадные пространства от Ташкента на западе до Алматы на востоке, от кыргызских гор на юге до пустыни Муюн-Кум на севере. Это три с лишним миллиона гектаров, занятых дикорастущей коноплей. Особой коноплей, имеющей особые наркотические свойства, каких нет ни у какой другой конопки, обычного сорняка на полях Сибири и Центральной России, Северного Казахстана и Поволжья... Что такое три с половиной миллиона гектаров? Вспомним: вся страна, Советский Союз, осваивала целину, и усилиями всей страны в Казахстане было распаханно, окультурено восемнадцать миллионов гектаров... Вот и сравнивайте.

Если подняться на вертолете, на самолете и попробовать окинуть долину взглядом, то это – необозримый океан, по которому перекачиваются волны конопки в рост человека и выше.

Как бороться с коноплей? Наверно, никто не знает. Конопля – вековечное растение, самое неприхотливое, самое стойкое. Будет жара, сушь, засуха – она выживет. Начнется ливень, всемирный потоп, грязь, болото – она прорастет. Ничего с ней нельзя сделать. С корнями – не вырвешь, корни глубокие, чуть ли ни три метра. Распахать – поди попробуй. Во-первых, горючего не хватит, во-вторых, все равно бесполезно, пробьется, а в-третьих, конопля здесь растет не сама по себе, она выполняет природой уготованную роль. Своей мощной корневой системой она удерживает пески. Стоит только уничтожить, свести ее на каких-то пространствах – а на ограниченных участках это возможно, – как начинается наступление песков на села и аулы. Видите, какая получается сложная ситуация?

В Казахстане, на громадных пространствах, где на сотнях тысяч гектаров конопля стоит стеной выше человека, еще можно применять и применяют гербициды, поливают ее нещадно ядохимикатами с самолетов. Но и там урон для природы невосполнимый. А у нас, в Кыргызстане, на малых площадях, при большой плотности населения – и вовсе невозможно применение химии. Ведь гербициды сжигают все: и коноплю, и траву, то есть пастбища, и все живое там погибает: звери, птицы, скотина там больше не будет пастись, человеку

туда уже не ступить ногой.

Вот такая проблема.

Американцы, правда, нашли способ. Вот я взял у своих американских коллег (достаёт из ящика горсть необыкновенно красивых, как игрушки, синих, красных, розовых кубиков со сглаженными углами. – С. Б.) несколько гранул. Это экологически безвредные гербициды в желатиновой оболочке, которые действуют только на коноплю. Одна гранула – один цент. Они выстреливаются специальной пушкой. Желатин растворяется, жидкость вытекает, обволакивает растения – ведь конопля ранней весной всего лишь низенькая-низенькая травка – и затормаживает процесс фотосинтеза. Одним залпом накрывается площадь в четыре гектара, один залп обходится в восемьсот долларов. То есть только для обработки гербицидами на Чуйскую долину необходимо от восьмисот миллионов до одного миллиарда долларов. Как минимум. Не считая всех остальных прямых и побочных, сопутствующих расходов.

Так что пока остаемся реальной силой в основном мы, милиция. Но силы наши... несопоставимы с территорией, которую надо контролировать. Раньше, пока Советский Союз не распался, было легче: мощное МВД Союза всегда помогало, хотя бы теми же вертолетами. Чтобы представить масштаб, приведу такой пример... В конце июня, в июле и августе, когда в Чуйскую долину устремляются гонцы, группы, банды со всей страны, мы здесь проводили чуть ли не войсковые операции, полки выходили на оцепление... И все равно не справлялись: по только им известным тропкам, ложбинам, тайным дорогам заготовители утекали, просачивались, как вода между пальцев. Мы перехватывали лишь малую часть...

А сейчас вся тяжесть легла на плечи двух республик, да вот международная ассоциация по борьбе с незаконным оборотом наркотиков материально поддерживает. Так что Чуйская долина – это джунгли... И хищники здесь всех родов – от самых мелких до самых крупных. Например, однажды проследили мы гастролеров, которые за крупные деньги прямо с конвейера автосборочного завода сняли восемь грузовиков, загрузили в машины кирпич, цемент, доски, а между ними, в мешках, упрятали две тонны марихуаны и уже готовы были вывезти все за пределы республики. Две тонны!..

А помимо них кружатся над Чуйской долиной птицы калибром помельче, зато количеством несметным. Как воронье!

В этой связи я хочу сказать вот о чем: о несовершенствах нашего уголовного законодательства, судопроизводства, и вообще – об отношении общества, общественного сознания к наркомании в целом и к наркобизнесу в частности. Мне мои американские коллеги рассказывают: суд присяжных там все может принять во внимание, с самым матерым, закоренелым преступником, с убийцей разбираются. Где убил, как убил, какой была его жизнь, несчастное детство, бедность, гетто, родители-пьяницы, личная месть... – все принимают во внимание и все обсуждают. Но как только речь заходит о наркотиках, о торговле наркотиками – тут суд присяжных абсолютно беспощаден. Что, продавал детям кокаин? Покушался и подрывал мозг, интеллект, генофонд, будущее нации? Все. Максимальный срок. Если девяносто лет – он просидит в тюрьме все девяносто лет. Если пожизненно, то – до конца дней... И никаких условно-досрочных освобождений, как в стране победившего пролетариата, а затем победившего его капитализма. У нас же к дельцам наркобизнеса все еще относятся как к незначительным преступникам, витает в нашем обществе некое не то благодушие, не то, простите меня, элементарное непонимание и глупость: продавал, мол, и продавал, а ты не покупай...

И что еще очень печально и тревожно: перемена в настроениях местных жителей. Раньше они нам помогали, поддерживали. Ведь заготовщики и им не давали покоя: угоняли машины, мотоциклы, скотину угоняли, посеви травили... С начала девяностых годов начался перелом. Понятно, что он связан с кризисом в экономике, с распадом государственных предприятий, колхозов и совхозов. Десятки тысяч людей оказались без работы и без денег. В общем, местные занялись заготовкой. Приезжаешь на чабанскую точку, а там неподалеку стоит стожок скошенной конопли. Подходишь к чабану: аксакал, почему не сожгли? А он отвечает: у меня бензина нет! Приезжай и сам жги! Так и получается: он выжидает, кто первым приедет. Если мы, то сожжем. Если гонцы, то они возьмут уже готовый, высушенный товар...

Да чабаны-то еще на виду. А как быть с тысячами и тысячами просто людей, для которых заготовка марихуаны стала чем-то вродеработы на приусадебном или дачном участке? И будем смотреть правде в глаза: когда в наркоторговле участвует уже население, когда начинается борьба с населением, власть проигрывает в любом случае...

СОН ВТОРОЙ

Игорь Дацко, 18 лет, учащийся ПТУ, Минеральные Воды

У меня друг был, мы с ним с детства, с детского сада вместе. Всю жизнь. Это даже не брат, это больше брата, как второй «я» – вот он кем был для меня. И вот он умер, 15 февраля, месяца не дожил до восемнадцати лет. Передозняк, как у нас говорят. То есть передозировка. Ну и остановилось сердце.

Мы с ним и курить вместе начали, с девяти лет. В смысле – анашу курить, травку. У нас все курят. А первый раз я укололся в четырнадцать лет, четыре года назад, и было это, как сейчас помню, 13 апреля. Перед этим к нам с другом приехали знакомые ребята и стали говорить, что у них начинаются ломки, а денег нет, чтобы соломы, то есть маковой соломки купить. Стали у нас просить. А у нас деньги были: мы

ребята кавказские, уже тогда зарабатывали разными способами, имели... Мы им дали. Они предложили нам уколиться. Мы, конечно, отказались. На следующий день – то же самое, деньги просят. И на третий день – тоже. И как-то у нас одновременно с другой мысль появилась: вроде деньги мы даем, а получать ничего не получаем, как в яму. Мы ж понимали, что деньги даются без возврата, какой там возврат. Как бы жалко, что ли, мол, хоть что-то да получить бы... И решили попробовать.

Мне это до сих пор странно. Я с детства очень сильно боялся уколов, а тут сам, по своей воле. Ну, первый раз мне нехорошо было, никакого кайфа, второй раз – тоже. А они говорят: попробуй, это только вначале нехорошо, потом кайф будет.

С того дня и началось. И ничего особенного, вроде так и надо. Я вообще мальчонка общительный, знакомых у меня много. И половина из них – колется. Обычное дело.

Но я лично никого не уколол, никого не соблазнял, не уговаривал. Не хочу, чтобы потом человек считал меня своим врагом, проклинал, как я тех пацанов, которые меня уговорили. Это самое гнилое дело. Хотя нет: самое гнилое – это барыги, которые сами не колются, а только продают, деньги делают.

А я сам – жулик. Никогда не воровал, не фарцевал, не барыжничал и презираю это дело. Даже когда мы в Москву переехали жить и я здесь стал как бы новенький, то и здесь не потерялся. Говорю же: я мальчонка общительный. Сразу вычислил, где и как можно делать деньги, кого обжужливать. Нашел товарища с машиной, тоже жулик-мошенник, наладили мы с ним разные игры, наперстки и прочее. И неплохо зарабатывали. Говорят, что наркоманы – грязные, опустившиеся люди, которые все из дома тащат, а по-нашему говоря – крысятничают. Крысятничать – самое последнее дело. Но вы же видите, что я не такой, никогда не крысятничал, не унижался. Сам покупал и жил в чистоте.

Здесь, в Москве, доза у меня выросла до полутора стаканов в день. Это много. И еще я всегда оставлял на утро, чтобы раскумариться. Это вроде похмелья, как у алкашей. У нас называется – кумар. То есть кайфа уже не было. Понимаете, вначале ловишь кайф, а потом привыкаешь и уже нет ничего, только бы раскумариться. Вначале кайф, а потом вся жизнь идет на то, чтобы только стать нормальным. Уколешься с утра – и вроде голова прояснилась, глаза все видят, соображаешь, что к чему. То есть просто становишься нормальным, как все, а о кайфе уже и речи нет. И как бы получается, что овчинка выделки не стоит.

Хотя можно и потом ловить кайф. Это если перейти на более сильный наркотик. У меня был случай, когда я закупил большую партию ташкентского опиумного мака. Это совсем другое дело, не то что московский мак-самосей. Можно переехать в Ташкент и вновь начать кайф. Но я отвечаю за свои слова, что там, перейдя на ташкентский мак, человек больше двух лет не протянет.

Конечно, случалось, что и у меня не было денег. И мака – тоже. То есть начинались ломки. Ну как их описать? Это постоянная зубная боль во всех мышцах. А кости, суставы как будто сверлит зубная бормашина. Человека всего выворачивает из суставов; если на кровати лежит, то до потолка подлетает. Это страшно, когда у тебя ломки начинаются, и ты знаешь, что вон в том доме, в известной тебе квартире стоит раствор, а ты не можешь его взять, нет денег. Это страшно.

Первый раз я задумался, когда позвонили из Минеральных Вод и сказали, что от передозировки умер мой друг. Он был для меня всем – и вот так вдруг уйти. А второй раз, когда однажды проснулся дома в одном пальто на голое тело. Стал вспоминать. Из дома я ушел, как всегда, в костюме и в галстук. Денег не было. Вспомнил, что на Даниловском рынке отдал барыге за одну дозу и костюм, и рубашку, и галстук. А домой, значит, пришел вот в таком виде.

Я всегда считал себя крепким пацаном, который никогда не будет унижаться, крысятничать, с себя снимать. А тут такая история. И я подумал: а что же дальше будет, если даже моих денег не хватает?

Всем известно, что будет. Для начала станешь шестеркой у барыги. Барыга тебе скажет: хочешь получить дозу, приведи, найди мне людей, которые купят, которым надо. Побежишь искать, никуда не денешься. Но так много не набегашься, доза нужна каждый день. Рано или поздно увидишь открытое окно в магазине, какую-нибудь вещь на прилавке, которая лежит и дразнит: вот она, кучу денег стоит, схватил и убежал! И – попал в зону...

Все это я подумал, представил, очень ясно увидел.

И еще. Среди наркоманов есть такие, которые на какой-то определенной стадии перестают есть. Совсем. Я к ним отношусь, как выяснилось. Мне восемнадцать лет, рост – 181 сантиметр. Когда меня привезли в больницу, весу во мне было 39 килограммов.

Страшный прообраз России

Владимир Лозовой, врач-психотерапевт, г. Екатеринбург

Двор, в котором мы жили и в котором вырос мой сын, был на редкость многодетным. И надо же так совпасть, почти все – одногодки. Двадцать три пацана и девчонки – ровесники!

Так сложилось, что со временем мы переехали на другую квартиру и в старый наш двор я попал через много-много лет. Понятно, что стал узнавать, расспрашивать про своих друзей, про друзей сына.

С моими-то все в порядке - живут, работают. А вот сверстников моего сына - нет.

В самом прямом смысле - в жизни нет.

Из двадцати трех мальчишек и девчонок только трое - дожили до восемнадцати лет!

Всех остальных - двадцать человек - в отрочестве еще скосили наркотики.

Подростковая наркомания разрушает организм с самого начала его становления. Мы проводили исследования и установили: тот, кто в раннем возрасте начинает употреблять наркотики, выдерживает в среднем семь лет такой жизни. А дальше - небытие.

И все эти годы меня преследует неотвязно одна пугающая мысль: не есть ли судьба мальчишек с нашего двора прообраз России, образ будущего России?

Если вы скажете, что я преувеличиваю, то я отвечу так: эту опасность уж лучше преувеличить, чем преуменьшить.

В молодежной среде это даже не мода, не эпидемия, а – пандемия. То есть массовое, чуть ли не всеобщее заражение. Которое принимает иногда самые чудовищные формы. Например, как чума расплозается новое поветрие - разводиться наркотики кровью. О средневековой дикости и тупости можно и не говорить - я только о медицинском факторе. В поселке Верхняя Салда Свердловской области, где впервые и были обнаружены наркотики на крови, почти все наркоманы, молодые совсем люди, оказались зараженными СПИДом. А иначе и быть не могло...

И пусть я снова преувеличиваю, но мне кажется, что нынешнее поколение подростков и юношей мы уже потеряли. Задача в том, чтобы сохранить последующие поколения, остановить расплозание раковой опухоли. Иначе судьба мальчишек с нашего двора в Екатеринбурге в действительности и в полной мере станет будущей судьбой России.

Для справки. Болезнь номер один в мире по распространенности и опасности даже не СПИД, а - вирусный гепатит. В последнее пятилетие в России смертельный вирус в большинстве случаев заражает молодых людей при внутривенном введении наркотиков. При обследовании в городе Верхняя Пышма Свердловской области половина больных вирусным гепатитом оказалась наркоманами.

Кома

Ефим Рачевский, директор школы, г. Москва

В школе - наркологический кабинет. Скажи кто-нибудь из нас такое десять лет назад - за сумасшедшего бы приняли... Но будем смотреть правде в глаза: по нынешним временам наркоман в школе - заурядное явление. Мне известно, кто из мальчишек и девчонок в моей школе сегодня регулярно курит анашу и колется внутривенно. Это те, про кого я доподлинно и досконально знаю. А сколько невыявленных, сколько тех, кто только-только попробовал... И с неумолимой закономерностью через год их количество увеличится в полтора или в два раза.

Опросами медиков установлено, что в крупных городах до пятидесяти процентов подростков хотя бы раз попробовали наркотики...

Так что разговор о наркологическом кабинете в школе из области смелых мыслей переходит в разряд обыденных задач.

Взвесив все, я твердо решил: буду искать специалиста-нарколога. Который будет и врачом, и воспитателем, человеком, который может говорить с мальчишками и девчонками так, чтобы его слово перевешивало слова и посулы дворовых искусителей. Это самое первое и общее представление о его деятельности и обязанностях. Жизнь покажет, какое место он займет и какую роль будет играть в школе. Уверен, что специалист-нарколог без дела, увы, не останется.

И, наконец, самый обыкновенный медицинский момент. Наркотическая кома, смерть от передозировки и прочих нарконапастей становятся обычными в жизни большого города. Кто поручится, что завтра или послезавтра такое не произойдет прямо в классе. Так могу ли я позволить, чтобы в школе, на глазах у всех какой-нибудь дурачок-мальчишка погиб в наркотической коме...

Для справки. В Москве вызовы «Скорой помощи» к умирающим в наркотической коме по количеству сравнялись с вызовами по сердечно-сосудистым заболеваниям.

Количество смертей от наркотиков в Москве ежегодно увеличивается в два раза.

После юбилейного вечера, посвященного десятилетию одной из московских школ, в туалетных комнатах нашли 117 шприцов. В празднике участвовало 300 человек.

Простота

Почему мальчишки и девчонки начинают курить и колоться?

Сами подростки над этим не задумываются. А взрослые считают, что само собой ясно. Мол, дурь, мода, влияние западных фильмов, влияние улицы, делать нечего, много свободного времени, и вообще: "Да какие-такие у них могут быть проблемы?!"

На самом деле это у нас – нет проблем. Что бы ни случилось, мы знаем - перемелется... А они еще не знают. Какая-нибудь история в школе, на наш взгляд не стоящая выеденного яйца, может привести подростка к мысли о самоубийстве... И в таком состоянии вовсе уж ничего не стоит согласиться на затычку анаши или первый укол. Да какая разница, если все равно жизнь кончена...

Никто из взрослых не задумывается, что такое подростковое сознание? Чем оно характерно? Что такое подросток как общественное и биологическое животное?

Подростковое сознание характерно тем, что его носитель – ваш сын и ваша дочь – все впитывает как губка и ничего не боится.

Вспомните себя: мы такими же были, и поймите, пожалуйста, что стремление все попробовать биологически заложено в организме подростка. Он как щенок, которого впервые выводят на улицу, и он, припав к земле, втягивает в себя, как пылесос, все, что встречается на пути. Плохое, хорошее, соленое, пресное, горячее, кислое, Павку Корчагина и героя "Криминального чтива", "Бедную Лизу" и "Интердевочку" – все!

И – ничего не боится! Поэтому смешны все учительско-лекторские проповеди о вреде наркотиков, которые читаются на уровне: "Употребление наркотиков вызывает необратимые изменения в коре головного мозга, болезнь и смерть..."

Во-первых, это – сплошная абстракция. Взрослый человек с большим трудом принимает абстракции как практическое руководство в жизни, а уж подросток – тем более... Во-вторых, подростковое сознание характерно тем, что подросток живет сегодняшним днем и часом. О завтра он практически не думает, разве что о неминуемом приготовлении уроков на завтра. В-третьих, вспомните себя: кто-нибудь из вас в четырнадцать лет всерьез задумывался о болезни и смерти? Кто-нибудь из вас думал, что ОН, такой единственный и неповторимый, вдруг заболит и умрет? Смешно... Подросток по природе своей, по биологии, уверен, что жизнь его вечна...

Тем не менее лепет о "необратимых изменениях в коре головного мозга" считается у нас профилактикой и антинаркотической пропагандой. А какая пропаганда – такие и последствия, результаты. То есть сплошной вред. Страшный вред. Потому что подросток уже уверился: все, что мы говорим о вреде наркотиков – туфта, лапша на уши...

И в то же время, часто отрицая наши нравоучения и мнения, подросток особенно восприимчив к мнению своей среды, своего окружения, подростково-молодежного мира. К тому, что мы называем общественным мнением, модой или террором среды.

И, пожалуйста, отнесемся к этому очень серьезно. Вспомните, во что и как мы сами одевались тридцать пять лет назад, пятнадцать лет назад и во что одеты сегодня. Это мы с вами, такие умные, самостоятельно мыслящие, независимые! Этот самый простой пример с обескураживающей убедительностью доказывает: если все носят узкие штаны, широкие штаны, джинсы или слаксы – иты будешь, никуда не денешься.

Безобидная по части штанов, мода стала убийственной, когда распространилась и на наркотики. Сорок лет назад в нашем городе мальчишки тоже курили анашу. Мы этих мальчишек знали наперечет и называли их придурками. Для нас престижным считалось купить поллитра портвейна на десятерых и распить тайком в сквере – вот это круто, мы почти как взрослые, а анашисты – придурки.

С тех пор шкала дворового подросткового престижа перевернулась. Сейчас на пришкольных пустырях и во дворах курение анаши считается делом чести, доблести и геройства, показателем крутизны. А того, кто не курит марихуану, считают слабаком, трусом и вообще - изгоем. Как устоять четырнадцатилетнему человеку перед таким напором, какие силы надо иметь, чтобы наперекор общему мнению сказать - нет. А ведь во дворе он - живет, это его мир, его социальная ниша.

Вот и получается, что он не может отказаться. Он беспомощен перед террором среды... Да что дворы! То же самое происходит и в институтских коридорах, где вроде бы уже умненькие, почти взросленькие юноши и девушки. Алкоголь там не котируется. Так наркоманы, сидящие на игле, и не пьют, они алкаголиков презирают, считают алкоголь грязным кайфом, бычьей тягой. Там, в институтах, наркоманы объявили себя избранными, продвинутыми, белыми людьми, аристократами, а все остальные – быдло. Вот многие из обычных ребят и тянутся к ним почти поневоле: не хочется выглядеть быдлом...

Чтобы отказаться, надо иметь силы. А силы дает только знание.

На встречах с подростками я говорю: "Вот перед вами яма с дерьмом. Тот, кто прыгнет в нее, будет во всей округе считаться самым крутым парнем. Кто из вас прыгнет?"

Никто. Потому что знают, что это дерьмо и что будет вонять.

Вот мы и пришли к главному, ошеломительному выводу. Наши дети начинают курить и колоться, потому что ничего не знают о последствиях.

Когда им во дворе предлагают: "Курни, получишь кайф", они примерно представляют, что такое кайф. Но понятия не имеют о последствиях, о том, как и чем будут расплачиваться за первую затяжку и первый укол. Как мы уже убедились, "необратимые изменения в коре головного мозга" они давно считают туфтой. Кое-что знают о ломках, о привыкании, об угрозе подсесть... Но ведь КАЖДЫЙ считает себя крутым, это Васька и Петька тряпки безвольные, а я-то – СИЛЬНЫЙ, я все могу...

И потому подросток бесстрашно идет на первую затяжку, абсолютно уверенный, что это как прогулка в парк: захочу – войду, захочу – выйду. Не зная, что калитка тут в одну сторону, и она уже захлопнулась.

Вот и получается, что у подростков практически не было и нет выбора. Взрослые наркоманы обещают им золотые сны, кайф. О кайфе мальчишки и девчонки вроде бы имеют кое-какое представление. А вот чем придется расплачиваться за него, не знают.

Расплачиваться им придется образом жизни. А какой он, образ жизни наркомана?

Вот это и есть тайна, которую взрослые наркоманы подросткам никогда не выдают и не выдадут. В лучшем случае скажут, что да, трудно бывает, когда вмазаться нечем, но тут главное – быстро достать, вмазаться, и снова начнется кайф...

А как на самом деле – вы уже кое-что знаете и еще узнаете...

Ловушка

Как подростки начинают курить и колоться?

Возможных сценариев немного. Они разнятся только деталями. А в остальном все одинаково.

Итак, вечер, двор, лавочка в укромном уголке. Сидят, курят, болтают о том и о сем мальчишки и девчонки лет четырнадцати. К ним подходит группа парней и девушек чуть постарше. Один из них спрашивает:

- Ребята, а что это вы делаете?

- Да сидим, курим...

- А что курите?

- Как "что", сигареты...

- Ну вы совсем как маленькие! –изумляется парень. – Другие пацаны давно уже от травки балдеют, а вы сигаретки сосете...

И тут всегда находится мальчишка, который говорит: "А у нас же нет..."

Если таковой не находится, то разговор в нужное русло мгновенно направляет кто-нибудь из старшей компании:

- Да что ты, Вася, у них же нет, они ж еще маленькие...

- Как так "нет"? - воодушевляется "Вася". – Нон проблем. У нас-то все есть. Что хотите, ребята, хоть травку, хоть винт...

Тут расчет беспроигрышный. Как сами мальчишки и девчонки говорят, на "слабо" берут.

Прошу обратить на этот момент самое серьезное внимание. Ведь речь идет о том, что называется подростковым сознанием. Вспомните знаменитый американский фильм "Назад в будущее". Задумайтесь, что там является пружиной, которая раз за разом раскручивает все действие, на чем держится весь сюжет? На какой "глупости"? На каком "пустяке"? А на таком, что в самый решающий момент киношный мерзавец говорит подростку: "Да ты что, боишься?" На что мальчишка тут же взвизгивает: "Это я боюсь?!" И закручивается очередная серия приключений...

Учтите также, что все происходит на людях, на глазах у друзей и подруг. Если бы подросток был один, он еще мог бы отказаться. Но в компании(!), на виду у всех, когда предлагают старшие, да еще когда всех как будто ненароком назвали "маленькими", а ты-то давно уже не считаешь себя "маленьким"...

В общем, отказаться невозможно. Курят, колются, кайфуют, входят во вкус и привыкают. Так продолжается месяца три-четыре. Пока тот же старший парень однажды не скажет:

- Мальчики-девочки, а вам еще не надоело ширяться на халяву? Оно ведь бабок стоит, платить надо!..

Все. Игры кончились. Ловушка захлопнулась.

Расплата

Как и чем платить? Где деньги взять?

Когда на лекциях в школах или в училищах я подхожу к вопросу, "где деньги взять", обязательно находятся несколько мальчишек, которые кричат: "Воровать"! Да, отвечаю, разумеется. Но поскольку воровского опыта у тебя нет, то на третьем или четвертом ларьке ты попадешься. Зона. Малолетка. "Зона" страшна тем, что, во-первых, подросток там живет с ощущением безысходности. Ведь в этом возрасте два или три года – это бесконечно долгий срок. Жизнь кончилась. А раз так, то ничего не жалко, и себя в первую очередь.

Во-вторых, в обычной жизни есть еще какие-то ограничители и контроль: родители, учителя, перебои с деньгами. На зону же кайф поступает как семечки на базар. Значит выйдет оттуда наш мальчишка законченным наркоманом. Снова начнет воровать. Снова попадется, но это уже будет повторка. То есть срок большой. А там, на зоне, или после повторной отсидки, быстро кончится: от грязного наркотика, от передозы, да мало ли от чего... Отмучается сам и перестанет мучить родителей.

В представлениях мальчишек есть еще вариант доставания денег. На встречах они кричат мне: "Стать распространителем!" Чувствуете, теоретически они уже всё знают. Правда, никто из них не догадывается, что к деньгам их не подпустят. Деньги идут только тем, кто на более высоких ступенях иерархии наркобизнеса. А миллионная армия мальчишек и девчонок работает там бесплатно.

Как это происходит? В известном всем доме в вашем микрорайоне живет наркодилер. К которому чередой идут подростки. Он отмеряет им, к примеру, порцию героина, и говорит: "Здесь двадцать доз. Девятнадцать продашь, принесешь столько-то денег. А двадцатая – твоя! Бесплатно!"

И миллионы подростков ходят под тяжелой уголовной статьей "сбыт наркотиков", работают на наркомафию бесплатно, "за дозу". Такого рабства не знала, наверно, ни одна система.

Еще подростков используют в роли торпед. Тот самый наркотик на основе первитина – винт – имеет много разновидностей. К примеру, есть винт под названием "камикадзе". После его употребления мальчишка чувствует себя терминатором, способным ударом кулака проломить кирпичную стену и разорвать гольми руками тигра. Да еще его психологически обрабатывают, внушают, что надо сделать и как это легко, после чего мальчишка, как зомби, идет и "делает"... А приходит в себя, зачастую, уже в камере, в милиции. А там – зона, и так далее...

Впрочем, я уже начал рассказывать от своего имени. Пересказывать. А это неинтересно и неубедительно.

Если хотите знать правду, чтобы иметь право осознанного выбора, то наберитесь мужества и прочитайте до конца эти исповеди. Это неприятно, это изнанка самой жуткой жизни, но все-таки прочитайте, хотя бы из чувства болезненного любопытства.